

Если мы не остановим нацизм сейчас, мы не остановим его никогда

Вячеслав НИКОНОВ, фонд "Политика"

Дорогие коллеги, для меня большая честь и большое удовольствие выступить перед столь достойной и профессиональной аудиторией на тему, о которой я могу говорить не только как ученый, но и как член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

Сейчас ситуация в России напоминает ситуацию Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов. Выход из Великой депрессии осуществлялся, как вы знаете, либо через либеральное реформаторство (Рузвельт), либо через фашизм (Гитлер). В таких странах, как Германия или Россия, факторами, которые способствуют проявлению политического экстремизма, сейчас являются отсутствие демократических традиций, уязвленная национальная гордость и очень легкомысленное отношение к нацистам. Напомню, что национал-социалистическая рабочая партия Германии еще в 1928 году не претендовала бы на то, чтобы перейти пятипроцентный барьер, если бы он тогда существовал в германской политической системе. Нацизм приходит к власти незаметно, и количество людей, поддерживающих националистические организации, нарастает лавинообразно в условиях экономических трудностей, беспомощности власти и люмпенизации населения, то есть всего того, что сейчас мы наблюдаем в России.

Все знают, что такое политический экстремизм. Ясно, что это разжигание национальной, расовой, социальной и религиозной розни, распространение идей фашизма, создание незаконных вооруженных, военизированных формирований, терроризм. И все это у нас есть. В стране есть десятки (если не сотни) организаций, которые возвели в принцип своей деятельности политический экстремизм. Макашов и Илюхин открыто упражняются в антисемитской риторике. В любой другой цивилизованной стране они бы уже давно оказались за решеткой. Нацисты из Русского национального единства проводят свои съезды по всей стране, и только Юрий Михайлович Лужков запретил проведение их общероссийского съезда.

По своей идеологии экстремистские политические группировки, на мой взгляд, можно разделить на семь основных групп. Во-первых, это революционные ультралевые интернационалистические организации, которые не являются националистами, но являются крайне левыми. Во-вторых, это ультралевые националисты, или, как их еще называют, национал-большевики. Третья позиция – это радикальные русские националистические организации. Четвертая – радикальные группы, действующие под вывеской "Православие". Пятая – фашисты. Шестая – неоязыческие радикальные организации, в том числе разного рода сатанисты. И последнее – антирусские националистические организации, которые существуют практически во всех национальных республиках Российской Федерации. Пока, на наше счастье, все эти группы, организации не имеют существенного представительства в органах власти и управления, однако их деятельность действительно носит вызывающий, а часто противоправный характер. Большинство этих экстремистских организаций имеет собственные газеты и журналы, и там открыто пропагандируются идеи расового превосходства, ксенофобия и даже антиконституционные действия. Наиболее общими чертами их идеологии являются откровенный антисемитизм, крайне неприязненное отношение к выходцам из южных республик. Экстремистскими группами осуществлялись, как вы знаете, хулиганские нападения на лиц неудобной национальности, осквернение надгробий на еврейских, мусульманских кладбищах. Экстремисты организовывали взрывы памятников, скажем, представителей династии Романовых. И практически все экстремистские организации на сегодняшний день создают или пытаются создать собственные военизированные формирования, которые обычно замаскированы под спортивные клубы, военно-патриотические кружки, стрелковые секции, охранные фирмы. Зафиксировано наличие у членов экстремистских групп большого количества оружия и боеприпасов. Многие из них связаны с организованными преступными группами, но особую тревогу вызывает тот факт, что в числе членов экстремистских организаций немало представителей правоохранительных органов. Цели этих организаций, особенно в отношении лиц кавказской национальности, встречают понимание и со стороны определенного слоя наших военнослужащих.

Уже не раз становилось фактом гласности унижение человеческого достоинства лиц "не той" национальности, их избиение, вымогательство со стороны правоохранительных органов. В Краснодарском крае антисемитизм стал почти официальной идеологией. Кроме того, во многих южных регионах России официальная власть в сотрудничестве с местным казачеством ведет политику вытеснения из регионов кавказцев под предлогом борьбы с экспортом терроризма из Чечни.

В национальных республиках России дискриминация русского населения проявляется даже на

официальном уровне, прежде всего в обеспечении титульной национальности доминирующего представления в органах местной государственной власти, введении часто необоснованных квалификационных требований к знанию титульного языка.

Безусловно, массовые нарушения прав человека, в том числе по национальному признаку, допускаются в Чеченской республике, которая взяла курс на создание этнократического фундаменталистского "паханата" со средневековыми законами. После завершения военных действий нечеченцы на территории республики стали объектами грубого насилия, и большинство из них либо погибли, либо покинули Чечню. Фонд "Политика" не так давно приобрел на свои средства квартиру последнему русскому профессору Чеченского государственного университета Лидии Васильевне Потоковой, дом которой был разгромлен, сын убит, а сама она едва спаслась, получив две пули в живот. Она чудом выжила. В Чечне и сопредельных с ней районах в массовом порядке осуществляются похищения людей, теракты.

Политический экстремизм в России опирается на ряд факторов, которые по-прежнему имеют серьезные корни в социально-экономических, этнокультурных, социально-психологических условиях жизни нашего общества. Это чувство национального унижения, сохранившееся после распада СССР, так называемый "комплекс исчезнувшей державы". Это слабость демократических институтов, неотработанность антиэкстремистской правоприменительной практики. Это традиции психологического тяготения к "сильной руке" и революционным методам решения сложных проблем. Это во многом реакция на отторжение большевизма, имевшего в своей основе интернационализм, размывание прежних общественных идеалов и обращение в поисках новых идейных точек опоры к самой простой (то есть этнической) самоидентификации. Это экономические трудности, серьезные социальные расслоения, люмпенизация значительной части общества, что создает очень большую категорию людей, готовых сейчас пойти на что угодно, чтобы найти место в жизни. Это привыкание людей к насилию вследствие скачкообразно возросшей криминализации общества и ожесточенных вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве и уже в самой России (Чечня). Это нерешенность проблем мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев, представляющих различные этнические группы, которые в массовом порядке переселяются сейчас в центральные районы России, создавая дополнительные социальные проблемы местным властям и конкурируя с местным населением в вопросах занятости, получения жилья, пособий и т.д. Это отчетливая этническая окрашенность целого ряда крупных криминальных группировок, что вызывает у граждан негативные эмоции в отношении соответствующих национальных групп.

Многие из этих факторов буквально воспроизводят обстановку в Германии конца 20-х – начала 30-х годов. Очевидно, что все они носят долговременный характер и для их искоренения потребуются не один год. Тем более важны прочные юридические основы и практические усилия государственной власти, нацеленные на борьбу с явлениями, порождающими политический экстремизм.

Международным Пактом о гражданских и политических правах, Всеобщей Декларацией прав человека, Декларацией прав и свобод человека и гражданина, которые Российская Федерация подписала, мы взяли на себя обязательства принять решительные и действенные меры, запрещающие расовую дискриминацию, подстрекательство к ней в любых формах, проводимые любыми лицами, группами и организациями. Государство наше взяло на себя обязательство объявить караемым законом преступлением всякое распространение идей и помощь расистской деятельности, включая ее финансирование. В соответствии с этими обязательствами должны быть объявлены противозаконными и запрещены все организации, а также любая пропагандистская деятельность, поощряющая расовую дискриминацию и подстрекательство к ней. Должен быть наложен запрет на подобную деятельность для всех органов государственной власти и государственных учреждений. Должна быть гарантирована всем гражданам без исключений защита со стороны государства от расовой дискриминации.

И на бумаге это все есть. Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за нарушение равноправия граждан (ст. 136), организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208), публичные призывы к насильственному захвату власти, насильственному изменению конституционного строя РФ (ст. 280), возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282) и т.д.

Существуют у нас и специальные органы, которые должны противодействовать политическому экстремизму. Есть Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму. Кстати напомню, что уже принятие Указа Президента об учреждении этой Комиссии было крайне негативно воспринято прежде всего Государственной Думой, которая тут же приняла постановление о действиях Президента Российской Федерации, усиливающих политическую нестабильность в Российской Федерации. По мнению Госдумы, создание этой

Комиссии могло повлечь за собой обострение политической обстановки в стране, гонения и запреты на деятельность политических партий и движений. Слава Богу, никаких практических последствий постановление Госдумы не имело.

Итак, определенная правовая база и определенные попытки пресечения экстремистской деятельности в России существуют, но они явно неэффективны. Как вы думаете, сколько человек находятся в тюрьмах по приговору суда по статьям, связанным с политическим экстремизмом? Совершенно верно, был поднят один палец. Один человек во всей Российской Федерации! Почему это происходит? Ну, конечно, есть общая сложная проблема – необходимость соблюдения баланса между такими фундаментальными правами человека, как свобода слова, право на объединения, целью которых является обеспечение возможности участия каждого в общественно–политической жизни, и запретом на злоупотребления этими правами и свободами. Но можно предположить, и такие сведения есть, что в отдельных случаях правоохранительные органы прямо прикрывали экстремистски настроенных субъектов. По ст. 282 заводилось немало уголовных дел, но решения суда по ним вынесено не было. Причиной прекращения дел чаще всего становилось выгодное для подсудимого экспертное заключение, в соответствии с которым его действия не трактовались как возбуждение межнациональной, расовой или религиозной вражды. Не было ни одного дела по прямым призывам к насилию или организованному применению насилия, хотя таких призывов было сколько угодно.

С огромными трудностями связано прекращение деятельности экстремистских организаций. В принципе, в соответствии с действующим законодательством, в частности с Законом "Об общественных объединениях", приостановление и ликвидация общественных объединений производится в судебном порядке после неоднократных письменных предупреждений, если эти предупреждения не были обжалованы в суде в установленном законом порядке или не признаны судом. По Федеральному закону "Об общественных объединениях" (ст. 23) в качестве одного из оснований для отказа в регистрации общественному объединению устанавливается противоречие его устава Конституции РФ и положениям Закона "Об общественных объединениях". Но практика показала, что ни один устав общественной организации не содержал указанного противоречия, никто не записал в своем уставе, что собирается сеять национальную рознь или заниматься пропагандой фашизма, хотя никому это еще не мешало заниматься и тем, и другим.

Правоохранительные органы, с которыми общается Комиссия по правам человека, выказывают недовольство чрезмерно усложненным порядком приостановления и ликвидации экстремистских общественных объединений, и, кроме того, подобную противозаконную деятельность пойманных с поличным членов экстремистских организаций оказывается невозможным увязать с деятельностью организации в целом. Как правило, в этом случае лидеры объединений просто отказываются от своих членов, говорят, что "мы их не знали, не знаем, и знать не хотим, они не отражают наших мнений", и против организации никакого уголовного дела возбудить не удается. Таким образом, реальная жизнь свидетельствует о том, что усиливающийся на протяжении ряда лет политический экстремизм фактически остается безнаказанным, несмотря на то, что в российском обществе, по опросам, существует согласие в том, что преследование политического экстремизма должно быть ужесточено. Однако создание соответствующей нормативной базы, особенно при нынешней Государственной Думе, и ее применение на практике, особенно нашими правоохранительными органами, крайне непростая задача. В Комиссии по правам человека считают, что модификация нормативной базы борьбы с экстремизмом должна осуществляться прежде всего путем принятия полноценного федерального закона о политическом экстремизме. В законе должна быть разрешена до сих пор существующая правовая дилемма, которая срывает огромное количество дел: преследовать ли экстремистскую пропаганду как таковую или только антиконституционные или насильственные действия. Необходимо предусмотреть возможность пресечения действий незарегистрированных экстремистских организаций, а также санкции в отношении всей организации за действия отдельных ее членов и отдельных ее руководителей.

Эта антиэкстремистская борьба должна, безусловно, включать в себя не только запретительные меры, но и большую просветительскую работу, которую обязана вести и региональная пресса. Потому что, если мы не остановим нацизм сейчас, я боюсь, мы не сможем его остановить никогда. И тогда придется забыть о том, чем мы все здесь присутствующие до сих пор занимались.

А.Здравомыслов:

– Вячеслав Алексеевич, я хотел бы узнать Вашу точку зрения на проект закона о политическом экстремизме поподробнее. Не является ли это слишком большой целью? Все–таки реальной опасностью, мне кажется, является национализм. Я считаю, что без включения термина "националистический экстремизм" этот закон повисает в воздухе.

В.Никонов:

– Памятник Николаю II взрывали не националисты, а интернационалисты. Безусловно, национализм – это питательная среда большинства экстремистских организаций, но не все экстремистские организации националистические. Поэтому я считаю, что тот проект, который прорабатывается, и я, кстати, тоже являюсь членом экспертного совета Комиссии по противодействию политическому экстремизму, это хороший закон.

А.Кудрявцев:

– Вы дали очень интересную классификацию экстремизма, но я так понял, что из них шесть типов экстремизма относится к русскому экстремизму и только один к антирусскому. Но не было бы более логичным разбить русский экстремизм на шесть типов и антирусский разбить: религиозный, светский?

В.Никонов:

– Любая классификация условна. Можно разделить на любое количество групп, движений. Это моя классификация, которая, я считаю, отражает основные направления политического экстремизма в России. Что касается экстремизма антирусского, то действительно есть масса его проявлений, огромное количество организаций в разной степени экстремистских. Есть организации мусульманские, есть не мусульманские. Безусловно, можно классифицировать и дальше.

А.Кудрявцев:

– То, что творилось в Чечне в отношении русского населения с 1991–1992 годов, и то, что творится сейчас, не было результатом какой-то антирусской позиции чеченского общества или чеченского руководства. В большей степени это было связано с последствиями правового беспредела, и чеченские преступники нападали на русские дома, на русские семьи не потому, что они русских ненавидели, а потому, что гораздо проще грабить тех, кто не защищен связями, институтом кровной мести. Я сам неоднократно бывал в Чечне и до войны, и во время войны и могу засвидетельствовать, что практически не сталкивался на бытовом уровне с проявлениями этнически окрашенных антирусских настроений. Вы сказали, что Чечня взяла курс на создание средневекового "паханата". Мне кажется, что ради корректности, наверное, стоило бы говорить о том, что Чечня все-таки провозгласила курс на вполне современное исламское государство в форме республики. Другое дело, что у них получается "паханат". Получается он, наверное, вопреки воле, скажем, того же Масхадова. То, что наблюдается в Чечне на протяжении последних двух лет, противоречит нормам самого шариата.

В.Никонов:

– Спасибо за Вашу реплику. Я тоже немного занимался Чечней, будучи заместителем председателя думской комиссии по расследованию обстоятельств возникновения кризисной ситуации в Чечне. Я также был в Чечне и во время войны несколько раз. Безусловно, там было притеснение русского населения и до войны, это было типичное проявление политического экстремизма. И, кстати, возвращаясь к вопросу профессора Здравомыслова, не надо ли обязательно экстремизм связывать с национализмом? Политический экстремизм в Чечне действительно носил определенную этническую окраску, но на самом деле борьба – то шла не против русских, борьба шла за вполне не этнически окрашенные идеи, за идеи, связанные с территориальным суверенитетом и т.д. Однако следует помнить, что есть только один институт, который имеет право на применение силы – государство. Когда какие-то формирования в обществе присваивают себе право на осуществление государственных функций, в том числе и функции насилия, – это уже, безусловно, политический экстремизм.

Что же касается "паханата", то, по моему личному мнению, созданный в Чеченской республике государственный строй иного определения вряд ли заслуживает. Реальный политический строй в Чечне лучше всего может быть описан, на мой взгляд, именно этим термином, которым я иногда пользуюсь, но не злоупотребляю в широких аудиториях.

В.Никольский:

– Мне кажется, что Вы обратили очень мало внимания на религиозно-духовную окраску нашего отечественного экстремизма. Те проявления экстремизма, о которых мы пишем в докладе о нарушениях в сфере свободы совести, напрямую связаны с тем, что преступники ссылаются на то, что они защищают православие, защищают славянское единство, национальную духовность.

Концепция национальной безопасности, которая была подписана Президентом Ельциным, содержит пункт о борьбе с сектами. Но мы видим, что этот пункт используется для того, чтобы запретить такую огромную организацию, как Свидетели Иеговы. И на судебном процессе против Свидетелей Иеговы появляются чернорубашечники, они говорят: "Мы казаки" или "Мы РНЕ", – это неважно, для них различий не существует. В Вашей классификации, во всем Вашем выступлении этот момент как-то упущен. Почему это происходит? Бойтесь ли Вы упоминать православие или это псевдоправославие? С чем это связано?

В.Никонов:

– Я возвращаюсь к своей классификации. Четвертая разновидность групп – радикальные группы, действующие под вывеской "Православие". Это большое количество групп, которые используют православную риторику, символику. Что касается концепции национальной безопасности, то там, действительно, есть запрещение сект.

В.Шнирельман:

– Летом 1994 года, когда военные действия в Чечне еще не начались, был подписан некий протокол между Чечней (его подписал Яндарбиев, насколько я помню) и русскими национал-патриотами (с этой стороны выступал Фронт национального спасения в лице генерала Стерлигова). Подписан этот протокол был, с одной стороны – против возможной военной конфронтации, а с другой стороны – против тех сил, которые эту конфронтацию вызывают. Под силами имелось в виду некое зло, идущее с Запада. Затем во время войны в национал-патриотической прессе были статьи о том, что на самом деле русские и чеченцы – мирные люди, ничего друг против друга не имеют, но развязали эту войну сионисты, которые на этом погрели руки. У меня к Вам вопрос такого рода: не видите ли Вы еще одну опасность сплочения разных националистов на этой платформе?

В.Никонов:

– Различные националисты очень плохо сплачиваются. Националисты – очень эгоцентричные люди, поэтому у них даже борьба с общим злом совместно с другими националистами очень сложна. Честно говоря, я не вижу серьезной почвы для сплочения чеченских и русских националистов в борьбе с "жидомасонским заговором". Мне трудно себе это представить. Что касается вопроса о том, кто погрел руки на чеченской войне, то у меня есть ответ на него. Я его сформулирую очень общо. Прежде всего, если говорить в материальном отношении, руки на войне погрели военные: согласно тем сведениям, которыми располагала парламентская комиссия, во время чеченской войны огромные средства исчезли в недрах Министерства обороны.

А.Тэвдой–Бурмули:

– У меня вопрос, который, может быть, перерастет в небольшую реплику. Сейчас шла речь в основном о правовой базе противодействия политическому экстремизму. Но ведь известно, что любая правовая база должна покоиться на некоем фундаменте, должен существовать какой-то приводной механизм для того, чтобы воплощать эту правовую базу в жизнь. И с этой точки зрения как можно прокомментировать те задачи, которые сейчас стоят перед неправительственными организациями, существующими в Российской Федерации и которые на этой ниве работают? Я могу привести пример, скажем, Западной Европы, где существует огромная, хорошо обеспеченная ресурсами сеть неправительственных организаций, которые ведут очень продуманную как в тактическом, так и в стратегическом смысле работу по противодействию расизму, ксенофобии и разным иным вещам. В этой связи какие задачи стоят перед российскими аналогами этих организаций? С моей точки зрения, они ведут сейчас вынужденно печальную жизнь.

И в дополнение я бы хотел дать небольшой комментарий к последнему вопросу относительно возможного сплачивания различных национализмов. Тот же пример Европы показывает, что на определенном уровне национальная идентичность уступает место идентичности культурной и цивилизационной. Скажем, существует понятие "европейский фашизм", и в недрах этого европейского фашизма существуют как французские фашисты, так и немецкие, и английские. Естественно у них есть некий общий враг в лице, скажем, американского империализма, сионизма и т.д. В принципе, такой феномен имеет место, и совсем отвергать возможность сплочения, скажем, русских традиционалистов и исламских традиционалистов и ортодоксов (если говорить на примере Чечни и России) нельзя.

В.Никонов:

– Чем заниматься неправительственными организациям? Вы сами ответили на свой вопрос. Нашим

неправительственным организациям, которые я тоже представляю (фонд "Политика" – неправительственная организация), нужно вести такую же деятельность, какую ведут их коллеги в странах Западной Европы. Другой вопрос – финансирование. Никто вам сейчас никакого финансирования не предложит, это вопрос, который каждая неправительственная организация решает самостоятельно.

Что же касается возможности "склеивания" различных национализмов, то в Европе это действительно возможно, потому что там существует такая вещь, как европейская идентичность. Общность же, скажем, исламских экстремистов и российских православных вряд ли может быть достигнута так легко, как это достигается в Европе. Конечно, нельзя исключать вариантов "склеивания" национализмов, представляющих разные цивилизации, но все-таки вероятность того, что это произойдет у нас, меньше, чем на европейском континенте.

А.Пудова:

– У меня чисто практический вопрос. Можно ли надеяться на помощь Комиссии по правам человека при Президенте РФ в решении следующего вопроса: летом этого года наш центр обратился в Комитет по печати с требованием осудить публикацию газеты "Клич" – так называемого "Воззвания к евреям России". Фактически это модернизированный вариант "Протоколов сионских мудрецов". До сих пор нам никто даже не ответил. Комиссия по правам человека может нам чем-то помочь?

В.Никонов:

– Я не в курсе этого вопроса. Пришлите материалы. Комиссия рассматривает очень много дел.

И.Харламова:

– Вячеслав Алексеевич, скажите, пожалуйста, каковы должны быть наши ожидания в отношении государственной власти? Можем ли мы рассчитывать на то, что государственная власть будет предпринимать какие-то действия, а не только принимать законы, которые не действуют, не применяются?

В.Никонов:

– Если Вас интересует мое личное мнение, не как члена Комиссии по правам человека, то я отвечу так: если Вы хотите дождаться действий власти, нужно дождаться власти. В стране сейчас власть отсутствует. Проблема России не в том, что у Президента огромные права, полномочия, диктатура, авторитаризм и т.д. Президент сам все эти огромные права не реализует, а правительство боится их реализовывать, и поэтому у нас огромный властный вакуум. Страна сейчас не управляется. Нажимают на кнопки где-то там, принимают какие-то решения, а на другом конце ничего не зажигается, потому что нет ни проводов, ни лампочек, ничего – растащили. Чтобы бороться с политическим экстремизмом, нужна власть. А возможна ли власть до будущих президентских выборов – у меня есть большое сомнение.

М.Рац:

– В связи с Вашим последним замечанием, Вячеслав Алексеевич, как прикажете расценивать тезис о том, что мы остановим фашистов либо сейчас, либо никогда. Получается так, что никогда.

В.Никонов:

– Мы с Вами ведь не принадлежим к власти? Журналисты, которые здесь присутствуют, тоже, наверное, в значительной степени к власти не принадлежат. Это с моей стороны был, если хотите, призыв к гражданской ответственности, поскольку призывов к власти может быть сколько угодно. Кроме того, есть возможность остановить фашизм на региональном уровне. И то, что сейчас наконец начал делать Лужков – запретил проведение в Москве съезда РНЕ – это, я считаю, очень позитивный сигнал. И я не думаю, что прокуратура, куда они подали протест, в нынешней политической ситуации, особенно после последних резких заявлений Президента, согласится с требованием РНЕ.